

Голубцов А. П. О путешествіях древних христіан и наших старинных паломников в Святую Землю, Рим и Царьград // Богословскій вестник 1894. Т. 2. № 4. С. 63–88 (2-я пагин.). (Окончаніе.)

О путешествіях древних христіанъ и наших старинныхъ паломниковъ въ св. землю, Римъ и Царьградъ ¹⁾.

Иерусалимъ и вообще святая земля, составлявшіе во всё времена самый дорогой предметъ поклоненія для христіанскихъ паломниковъ, не были впрочемъ единственнымъ мѣстомъ паломничества въ христіанскомъ мірѣ. Въ западной половинѣ послѣдняго весьма рано образовался свой особый и весьма важный пунктъ пилигримства, сосредоточившій въ себѣ мѣстную святыню и привлекавшій въ средніе вѣка многочисленныя толпы странниковъ. То былъ именно Римъ, собственно—окрестности его, гдѣ находились катакомбы или христіанскія усыпальницы, сохранявшія въ себѣ драгоцѣнные останки безчисленнаго множества святыхъ мучениковъ и исповѣдниковъ. Сюда, по словамъ знаменитаго древнехристіанскаго поэта Пруденція, воспѣваго въ стихахъ подвиги мучениковъ, ежегодно приходили на поклоненіе не только жители Италіи, но и отдаленнѣйшихъ провинцій. „Рано утромъ собираются почтить мученика“, говоритъ, на примѣръ, онъ, описывая страданіе блаженнѣйшаго Ипполита; „все юношество приноситъ поклоненіе; идутъ взадъ и впередъ (чествующіе мученика) до самаго солнечнаго заката. Благочестіе собираетъ къ гробницѣ мученика и жителей Лаціума и чужеземные народы. Цѣлуютъ блестящій металлъ (гробницы мученика), возливаютъ бальзамъ, орошаютъ лица свои слезами. А когда по прошествіи извѣстнаго числа мѣсяцевъ возвращается годъ и торжественнымъ богослуженіемъ чествуется память мученика, то сколь великія, соревнующія въ усердіи толпы собираются и какія гнѣсни возносятся въ прославленіе Бога? Державный городъ выводитъ и избиваетъ своихъ гражданъ; къ патриціямъ,

¹⁾ См. мартовск. книжку „Богословск. Вѣст.“.

исполненнымъ въ равной степени религіозной ревности, присоединяется фаланга плебеевъ, имѣющихъ одинаковое вооруженіе; ибо вѣра уничтожаетъ различіе по происхожденію. Точно также блестящій строй развертывается изъ воротъ Альбанскихъ городовъ, вытягиваясь длинными рядами. Слышатся радостные клики на различныхъ дорогахъ тамъ и здѣсь; подходятъ туземцы Циценума и вмѣстѣ населеніе Этруріи. Идутъ суровые Самниты, идетъ Кампанецъ—обитатель высокой Капуи, идутъ жители Нолы. Каждый, радуясь, вмѣстѣ съ супругою и милыми дѣтьми поспѣшно совершаетъ путь. Широко разстилающіяся поля едва вмѣщаютъ радостныхъ путниковъ, и плотно сомкнутые сонмы занимаютъ обширныя пространства...¹⁾ Приливъ пилигримовъ въ Римъ и его окрестности былъ такъ великъ, особенно въ день памяти св. апостоловъ Петра и Павла²⁾, что папы приказывали отверзать всѣ римскія церкви для богомольцевъ и совершать миссу два раза въ день. Западные епископы подавали примѣръ своей паствѣ въ отношеніи къ посѣщенію святыхъ мѣстъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые не поступали такъ, римскіе первосвященники подвергали выговорамъ. Св. Григорій Великій писалъ, напримѣръ, Руанскому епископу: „Какое занятіе, какое непреодолимое затрудненіе удерживаетъ тебя столь долгое время отъ посѣщенія св. Петра, когда мы видимъ, какъ ежегодно стекаются къ намъ со всѣхъ концовъ міра даже новообращенные народы—мужчины, женщины и малолѣтнія дѣти, даже больные и увѣчные, движимые любовію къ св. Петру, не отстаютъ отъ прочихъ и поспѣшаютъ сюда на повозкахъ“. „О Римъ!“ съ такими словами обращается къ нему неизвѣстный поэтъ VII—VIII в., „ты—благородный городъ, владычествующій надъ міромъ, высоко вознесшійся надъ всѣми городами, окропленный кровію мучениковъ и блистающій бѣлизною дѣвственныхъ сонмовъ; мы шлемъ тебѣ привѣтъ и молимъ о твоёмъ благѣ“³⁾. Впечатлѣніе святаго города, которое испытывали даже въ сред-

¹⁾ Проф. П. И. Цвѣтковъ: „Аврелій Пруденцій, приложен. стр. 193—194; сл. 90. 200 и др.

²⁾ Тамъ-же прилож. стр. 196.

³⁾ См. тамъ-же, прил. стр. 90.

ніе вѣка поклонники Рима, передасть Мануиль Хризологъ, грекъ по происхожденію и ученый классикъ по образованію, въ своемъ восторженномъ письмѣ къ императору Іоанну Комнену, въ которомъ онъ сравниваетъ старый Римъ съ новымъ и говоритъ о преимуществахъ перваго. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ: „Много здѣсь храмовъ въ честь апостоловъ, но еще болѣе въ честь святыхъ мучениковъ, блаженныхъ женъ и дѣвъ. Кто въ состояніи перечислить многочисленныя ихъ останки, какъ мощи, сохранившіяся въ цѣломъ видѣ, такъ и раздѣленные по частямъ? По истинѣ это великое хранилище святыхъ мощей и сокровищница священныхъ останковъ! Кто при видѣ такого сонма святыхъ, здѣсь почивающихъ, не скажетъ о Римѣ, что онъ есть часть неба и населенъ небожителями! Здѣсь первоглавные свѣтила Петръ и Павелъ, привлекающіе къ себѣ взоры цѣлаго міра. И по истинѣ чудесное представляется зрѣлище, когда видишь несмѣтное множество поклонниковъ, стремящихся сюда изъ Испаніи, Галліи, Британскихъ острововъ; изъ странъ, находящихся еще далѣе на западъ и сѣверъ, изъ Панноніи, Германіи, Сарматіи и даже Греціи; видишь не только мужей различнаго возраста и состоянія, но и женъ, пренебрегающихъ опасностями и лишеніями далекаго пути: холодъ, жаръ, грязь, пыль и все это затѣмъ только, чтобы поклониться гробу и ракъ апостоловъ, хотя бы чрезъ рѣшотки и занавѣсы, чтобы приложить лице и голову къ полу, праху и рѣшоткамъ мѣднымъ и желѣзнымъ, замыкающимъ ихъ останки“¹⁾.

И дѣйствительно, священные подземелья Рима, служившія для христіанъ во времена гоненій мѣстами богослужбныхъ собраній, временнаго убѣжища и вѣчнаго упокоенія, заключали въ собѣ великое богатство исторически-религіозныхъ памятниковъ, связанныхъ съ воспоминаніями первой христіанской эпохи, съ вѣками преслѣдованій, мученичества и исповѣдничества. Въ римскихъ катакомбахъ каждый предметъ; не говоря уже объ историко-археологическомъ значеніи его, могъ возбуждать въ паломникахъ сколько благочестивую любознательность, столько же глубоко-религіозное чувство. Но изъ многочисленныхъ предметовъ, заключав-

¹⁾ См. тамъ-же прил. стр. 90. 184 и др.

шихся въ римскихъ усыпальницахъ, помимо самыхъ останковъ мучениковъ и исповѣдниковъ, особеннаго вниманія посѣтителя заслуживали орудія пытки послѣднихъ, находившіяся въ священныхъ гробницахъ, куда схоронила ихъ набожная рука свидѣтелей ихъ страданій. Въ Римѣ доселѣ сохраняются и знатнымъ поклонникамъ показываются вериги св. ап. Петра и желѣзныя рѣшотки, на которыхъ сожжены были архид. Лаврентій и мученикъ Севастіанъ. Несомнѣнно, что въ древнее время находилось въ катакомбахъ не мало подобныхъ священнымъ реликвіямъ, современныхъ кончинѣ тѣхъ или другихъ мучениковъ и исповѣдниковъ. Этого не отрицаютъ и новѣйшія археологическія изслѣдованія, произведенныя въ священныхъ подземельяхъ Рима, но еще болѣе подтверждаютъ историческія свидѣтельства. По словамъ св. Іоанна Златоуста, сицилійскій мученикъ Вавила, пострадавшій въ концѣ III вѣка, пожелалъ, чтобъ его цѣпи положены были вмѣстѣ съ нимъ въ могилу. Мученикъ Сабиній просилъ не разлучать его съ тѣмъ камнемъ, съ которымъ онъ будетъ утопленъ. Св. Амвросій Медиоланскій нашелъ въ гробахъ мучениковъ Агрипины и Виталія гвозди и куски дерева, на которомъ былъ распятъ послѣдній. Благодаря новѣйшимъ изысканіямъ въ катакомбахъ, въ нихъ найдено множество желѣзныхъ прутьевъ, цѣпей, колець, клещей, гвоздей и другихъ принадлежностей пытокъ христіанъ ¹⁾. Въ усыпальницѣ св. Агнессы обрѣтена была глава съ забитымъ въ нее гвоздемъ. Въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ и въ настоящее время можно видѣть одно изъ подобныхъ орудій мучениковъ, нѣсколько напоминающее наши грабли, съ тою впрочемъ разницей, что оно раздвояется въ видѣ вилки и усажено длинными и острыми когтями, которые, вонзаясь въ тѣло, должны были разрывать его на мелкіе куски и клочья и тѣмъ причинять величайшія страданія.

Другой предметъ, вызывавшій глубокое благоговѣніе древнихъ христіанъ и приводившій ихъ въ катакомбы, составляли чаши съ кровію мучениковъ (*phialae scientiae*). Обычай собирать кровь мучениковъ въ сосуды и помѣщать послѣдніе при гробахъ первыхъ возникъ изъ того же благо-

¹⁾ Св. П. И. Цвѣткова: Аврелій Пруденцій, прил. стр. 67, 68, 70, 96, 110, 113—115 и др.

честиваго побужденія, которое заставляло почитателей мучениковъ сохранять вообще ихъ святыя останки. Мученическіе акты и другіе памятники древне-церковной литературы представляютъ много примѣровъ того, съ какимъ величайшимъ почтеніемъ относились христіане къ крови мучениковъ—тому сѣмени, изъ котораго, по знаменитому выраженію Тертулліана ¹⁾, выросли древо и плодъ христіанства. „Вотъ собирается со всего города (Сагунта) толпа вѣрныхъ“, читаемъ у Пруденція въ описаніи страданій мученика Винкентія, „устраиваетъ мягкое ложе, осушаетъ не зажившія раны. Тотъ покрываетъ поцѣлуями двойныя раны отъ когтей; тотъ радостно собираетъ пурпурную кровь. Многіе обагрятъ въ точащейся (изъ ранъ) крови куски полотна, дабы сохранить ихъ въ домахъ, какъ священную защиту для потомковъ ²⁾“. На пути передъ проходившими мучениками христіане бросали платки и повязки, чтобы съ помощію ихъ собрать капли крови, струившейся изъ ихъ ранъ. Кровію мучениковъ окрашивали цементъ, употреблявшійся при постройкѣ церквей, и видѣли въ этомъ одно изъ преимуществъ церковныхъ зданій. Гавденцій, епископъ Брестіи, съ глубокою признательностію получилъ нѣсколько кусковъ такого цемента отъ св. Амвросія и въ особомъ письмѣ къ нему выразилъ свою благодарность. Чаще всего кровь мучениковъ собирали губками ³⁾ и отсюда выжимали ее въ особаго рода сосуды, до сихъ поръ находимые въ катакомбахъ со слѣдами засохшей въ нихъ крови. Внимательное изслѣдованіе содержимаго въ этихъ сосудахъ, встрѣчаемыя при нихъ надписи (*sa. sang.*), въ которыхъ не безъ основанія читаютъ сокращеніе слова: *sanguis*, и непосредственное чувство каждаго убѣждаютъ, что они дѣйствительно заключаютъ въ себѣ остатки крови. Видѣвшіе эти сосуды увѣряютъ, что и обыкновенный, невооруженный глазъ можетъ замѣтить на днѣ и на стѣнкахъ ихъ темно-красный осадокъ, въ которомъ всего легче признать слѣды высохшей крови ⁴⁾.

¹⁾ *Apolog.* с. 50.

²⁾ П. И. Цвѣтковъ: Аврелій Пруденцій, прил. стр. 118. 103 прим. 30.

³⁾ *Ibid.* стр. 243.

⁴⁾ Нѣкоторые изъ скептическихъ писателей высказали предположеніе, что *phialae cruentae* заключали въ себѣ не кровь, а вино, употреблявшееся во время агаль и при совершеніи таинства евхаристіи. Мысль эта, раз-

Въ виду сказаннаго вполнѣ естественно было христіанскимъ паломникамъ съ самыхъ первыхъ временъ церкви идти на поклоненіе въ Римъ, почва котораго орошена была кровію мучениковъ и преисполнена священными гробницами и дорогами для религіознаго чувства святыми останками. И христіане не только запада, но и отдаленнѣйшихъ странъ востока усердно посѣщали городъ мучениковъ и святыхъ. По словамъ Евсевія, знаменитый Оригенъ, „тогда какъ римскою церковію управлялъ Зефиринъ (202—218), путешествовалъ въ Римъ, съ намѣреніемъ, какъ самъ нѣгдѣ пишетъ, *видѣть древнѣйшую церковь римскую*“¹⁾. Многие изъ странниковъ, приходившихъ на богомолье въ катакомбы, оставили даже здѣсь осязательные слѣды своихъ посѣщоній. На стѣнахъ подземныхъ ходовъ и усыпальницъ лицъ особенно извѣстныхъ, напримѣръ, св. Каллиста, до настоящаго времени сохранились надписи, изображенія крестовъ, сдѣланныя съ помощію угля, графита или перваго попавшагося остраго орудія набожною рукою пилигримовъ. Одна изъ самыхъ древнихъ записей этого рода, относимая къ 270 году, говоритъ о посѣщеніи Рима цѣлою знатною семьею, приходившею изъ Персіи на поклоненіе въ Римъ и здѣсь претерпѣвшею мученическую смерть²⁾. Но большая

дѣляемая немногими археологами, нашла для себя сильное опроверженіе при ближайшемъ ознакомленіи съ содержимымъ этихъ сосудовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вмѣстѣ съ остатками темно-краснаго цвѣта найдены были самыя губки, въ которыя собирали кровь мучениковъ. Къ тому же заключенію привелъ анализъ вещества, сохранившагося на днѣ и стѣнкахъ чашъ. Извѣстный Лейбницъ производилъ опытъ надъ одною изъ такихъ вазъ и пришелъ къ убѣжденію, что въ ней содержались дѣйствительно остатки крови, о чемъ онъ и сообщилъ въ свое время главному надзирателю и хранителю римскихъ катакомбъ Фабретти. Въ 1844 году опытъ былъ повторенъ надъ однимъ сосудомъ, найденнымъ въ саркофагѣ близъ Милана, и результаты опыта оказались одинаковыми съ предшествующимъ. Въ нѣкоторыхъ вазахъ, тщательно закупоренныхъ, находили на днѣ слой жидкости сверху бѣловатаго, а снизу темно-краснаго цвѣта, которая, по тщательномъ наблюденіи, оказывалась свернувшееся кровію. Серьезнѣйшіе изслѣдователи: Бозіо, Мабильонъ, Марки, Росси засвидѣтельствовали этотъ фактъ. Martigny, Dictionnaire des antiquités chrétiennes, p. 589—592; Kraus, Real-Encyclopädie d. christl. Alterthümer, II, 620—621.

¹⁾ Hist. eccl. I. VI, c. 14; Русск. перев. т. I, стр. 316.

²⁾ Въ возстановленномъ видѣ надпись читается: Romae, via Cornelia sanctorum marthyrum Marri et Marthae conjugum, et filiorum Audifacis et

часть надписей, принадлежащихъ раннему времени—эпохѣ III—IV вѣковъ, заключаетъ въ себѣ лишь голыя имена поствитителей катакомбъ безъ означенія времени путешествій, родины пилигримовъ и побужденій, приведшихъ ихъ въ священныя подземелья. Въ надписяхъ позднѣйшаго времени нерѣдко, наоборотъ, изъясняются душевныя расположенія паломниковъ, ихъ мысли и чувства, по прибытіи къ мѣсту поклоненія; въ иныхъ читаются цѣлыя молитвы, въ которыхъ благочестивые пилигримы выражали свою радость и чувства благодарности къ Богу за исполненіе своего обѣта. Въ одной епитафіи, находящейся на могильномъ камнѣ, хранящемся теперь въ Ліонскомъ музеѣ, читается имя христіанина: Агарусъ, отличавшагося кромѣ прочихъ добродѣтелей, особенною ревностью къ посѣщенію святыхъ мѣстъ (*loci sanctorum adsedue*) ¹⁾. Другая надпись, находящаяся въ одной изъ залъ Ватиканскаго музея, говоритъ, что христіанинъ, по имени Юстусъ, счастливо прибылъ къ мѣсту своего благочестиваго путешествія, исполнилъ свой обѣтъ и благодаритъ за это Провидѣніе ²⁾. Особенную важность и несомнѣнно-научное достоинство придастъ приведенной сейчасъ надписи находящееся при ней изображеніе калигъ—двухъ ножныхъ подошвъ. Хотя изображенія калигъ, встрѣчающіяся изрѣдка въ катакомбахъ, и до сихъ поръ составляютъ научную проблемму, но по связи съ настоящею надписью и съ другими того же содержанія, кажется, всего естественнѣе будетъ видѣть въ нихъ символъ путешествій, предпринимавшихся богомольцами ко св. мѣстамъ. Объясняя въ данномъ разѣ изображеніе калигъ въ смыслѣ знака паломничества, мы не отрицаемъ того, что въ другихъ случаяхъ христіане расширяли смыслъ разсматриваемаго символа, выражали имъ ту мысль, что усопшій, на могилѣ котораго изображались калиги, счастливо окончилъ свое земное странствіе, достигъ, наконецъ, цѣли своего земнаго скитальчества.—Блаж. Іеронимъ, учась въ Римѣ, любилъ посѣщать катакомбы въ часы отдохновенія отъ своихъ учеб-

Abachum nobilium Persarum, qui Romam temporibus Claudii principis adorationem venerant. Martigny, Diction. p. 521.

¹⁾ Martigny, Diction. p. 522.

²⁾ Deo annoente (annuente), felis pedatura Susti (Justi) votum posuit. Martigny, Diction. p. 521.

ныхъ занятій. „Вмѣстѣ съ своими товарищами и сверстниками, пишетъ онъ о себѣ, я имѣлъ обычай по воскреснымъ днямъ посѣщать гробницы апостоловъ и мучениковъ, спускаться часто въ пещеры, вырытыя во глубинѣ земли, въ стѣнахъ которыхъ по обѣимъ сторонамъ лежатъ тѣла усопшихъ, и въ которыхъ такая темнота, что здѣсь почти сбывается это пророческое изреченіе: *da scinduntъ eo adъ живи* (Псал. LIV, 16); изрѣдка свѣтъ, выпускаемый сверху, умѣряетъ ужасъ мрака, такъ что отверстіе, чрезъ которое онъ входитъ, лучше назвать щелью, чѣмъ окошкомъ. Тамъ ходять шагъ за шагомъ (ощупью) и среди мрачной ночи вспоминается этотъ Виргиліевъ стихъ: *повсюду ужасъ, и самое безмолвіе пугаетъ душу*“¹⁾.

Но громкая извѣстность катакомбъ, какъ одного изъ излюбленныхъ мѣстъ христіанскаго паломничества, была сравнительно непродолжительна. Несмотря на старанія папъ (Симмаха, Вигилія, Іоанна III, Сергія I, Григорія III, Стефана III, Адриана I и Льва III) сохранить въ первоначальномъ видѣ и въ прежней славѣ священныя подземелья Рима, упадокъ ихъ начался и происходилъ одновременно съ вторженіемъ варваровъ въ предѣлы Италіи. Страшныя опустошенія, произведенныя Готами, Лонгобардами и друг. въ окрестностяхъ Рима, съ одной стороны послужили благовиднымъ предлогомъ для римскихъ епископовъ (Еодора I, Льва II, Павла I, Пасхалія, Сергія II и Льва IV) перенести изъ христіанскихъ усыпальницъ въ городскія базилики всѣ замѣчательнѣйшіе останки мученичества и вообще памятники древней святыни, съ другой—значительно повредили катакомбные входы и корридоры и, такимъ образомъ, сдѣлали затруднительнымъ самый доступъ въ священныя подземелья. Вслѣдствіе этихъ невыгодныхъ историческихъ условій, начиная съ половины IX вѣка и до XVII-го катакомбы оставались въ совершенной почти неизвѣстности и изрѣдка посѣщались болѣе отважными пилигримами, не обращающими вниманія ни на прямыя правительственныя запрещенія проникать въ подземелья, ни на разрушенія, причиненныя послѣднимъ рукою варваровъ и временемъ. Изъ этой безвѣстности, продолжавшейся въ теченіи всей средно-

¹⁾ Commentar. in Ezechiel. cap. XI.

вѣковой эпохи, катакомбы были выведены научными экспедиціями знаменитыхъ Бозіо, Больдетти и другихъ, которые начали собою періодъ археологическихъ изслѣдованій катакомбнаго искусства, освѣтили своими разысканіями мрачныя подземелья Рима и снова открыли ихъ для ученыхъ, туристов и благочестивыхъ паломниковъ.

Въ то время, какъ подземный Римъ лишался лучшихъ своихъ богатствъ — величайшихъ и многочислѣннѣйшихъ памятниковъ перво-христіанской эпохи и, казалось, совершенно былъ потерянъ изъ вида, быстро росла слава надземнаго Рима, всѣми силами стремившагося сосредоточить въ себѣ останки древней святыни и стать центромъ не только церковно-политической, но и религіозной жизни, по крайней мѣрѣ, западнаго міра. Пока христіанскія воспоминанія ютились въ окрестностяхъ Рима — тамъ, гдѣ погребены были мученики и исповѣдники, Римъ оставался полуязыческимъ городомъ, въ которомъ упорно держались традиціи паганизма, послужившія для Константина Великаго однимъ изъ поводовъ къ перенесенію столицы съ запада на востокъ. Унося святыню, при опустошительныхъ набѣгахъ варваровъ, изъ катакомбъ въ городскія базилики, римскіе первосвященники заботились какъ о томъ, чтобы уберечь ее отъ святотатственной руки грабителей, такъ и о томъ, чтобы съ помощію ея возвысить священный авторитетъ вѣчнаго города, сдѣлать его предметомъ благоговѣйнаго чествованія христіанъ. Римъ дѣйствительно перерождается въ городъ христіанскій: въ него переносятся мощи первоверховныхъ апостоловъ, а вмѣстѣ съ ними великое множество другихъ останковъ и священныхъ реликвій. Бѣдственное положеніе восточной Римской имперіи, сначала сдѣлавшейся добычей крестоносцевъ, а потомъ подпавшей власти Турокъ, дало папамъ полную возможность, съ помощію торговыхъ операцій и при посредствѣ Венеціанцевъ, перенести въ римскіе храмы очень многое изъ святыни, принадлежавшей Востоку. И не безъ основанія средневѣковыя преданія и легенды, пропагандировавшія мысль о всемірно-религіозномъ значеніи Рима, населяютъ послѣдній святынями всѣхъ странъ свѣта и дѣлаютъ его участникомъ открытій, совершонныхъ въ Палестинѣ царицею Еленою. Метрополія западнаго христіанства, благодаря стараніямъ

папъ, сдѣлалась богатѣйшею сокровищницею христіанскихъ святынь. Въ древней базиликѣ св. Петра, а потомъ знаменитомъ соборѣ того же имени, кромѣ мощей свв. апостоловъ Петра и Павла, находились и почетнѣйшимъ посѣтителемъ города показывались часть Животворящаго древа, копіе, которымъ прободенъ былъ на крестѣ Господь нашъ; образъ Спасителя, воображенный Имъ Самимъ на полотнѣ благочестивой Вероники; глава еванг. Луки и части мощей Григорія Богослова, Иоанна Златоустаго и святыхъ римскихъ папъ: Григорія Двоеслова, Льва, Агаѳона, Мартина и другихъ многихъ. Въ Латеранской базиликѣ, основаніе которой возводится къ очень древнему времени, хранились сударь, бывшій на главѣ Христовой во гробѣ; лентіонъ, которымъ Онъ былъ препоясанъ во время умовенія ногъ учениковъ Своихъ; часть ризы и платье пресв. Богородицы, главы св. апост. Петра и Павла и прор. Захаріи, отца Предтечева, а въ особенной капеллѣ — деревянный престоль, на которомъ будто бы Христосъ совершилъ съ апостолами пасхальную вечерю. По преданію, этотъ престоль въ царствованіе Веспасіана привезенъ былъ въ Римъ и здѣсь съ тѣхъ поръ остался, какъ священная реликвія. Въ базиликѣ Маріи Великой показывались: ясли, въ которыхъ положенъ былъ младенецъ Христосъ по Своемъ рожденіи, и пелены, которыми повить былъ при этомъ Своею Матерію; образъ пресв. Богородицы, писанный св. ев. Лукою; части мощей евангелистовъ Матѳея и Марка и святыхъ Іеронима, Епафродита и др. Въ храмѣ св. Сильвестра, папы Римскаго, хранились Нерукотворенный Убрусъ Христовъ и глава св. Иоанна Предтечи, а въ церкви Всѣхъ Святыхъ, которая, какъ извѣстно, изъ Пантеона Агриппы обращена была импер. Фокою и папою Бонифаціемъ IV (въ 608 — 610 гг.) въ христіанскій храмъ, посвященный памяти всѣхъ мучениковъ, въ противоположность прежнему назначенію зданія въ честь всѣхъ боговъ, собрано было такое множество святыхъ мощей и вообще священныхъ предметовъ, что она по всей справедливости могла быть названа въ свое время музеемъ христіанскихъ реликвій ¹⁾.

¹⁾ Въ рукописномъ сборникѣ XVII в. Флорішевой пустыни (№ 102—675 лл. 198—201) намъ встрѣтилась любопытная и довольно подробная

Понятно, что завѣтное желаніе римскихъ первосвященниковъ сдѣлать свою резиденцію мѣстомъ паломничества для западныхъ христіанъ, вполне осуществилось: несмѣтныя толпы благочестивыхъ пилигримовъ непрерывающеюся

„Роспись мощемъ, которые сохраняются во градѣ Римѣ въ церкви глаголемой Святая Святыхъ“. Своимъ содержаніемъ и характеромъ она назоываетъ ту часть *статейнаго списка* посластва боярина Бориса Петровича Шереметева въ Краковъ, Венецію, Римъ и Мальту въ 1697—1690 гг., въ которой разсказывается объ осмотрѣ нашимъ благочестивымъ посломъ божіе извѣстныхъ римскихъ церквей и о святыхъ, видѣнныхъ имъ въ каждой изъ нихъ (Древн. російск. Вивлюевки ч. V, стр. 336—340. Москва 1788). Свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ *статейнаго списка* о мощахъ и реликвіяхъ римской церкви *Святая Святыхъ*, сравнительно кратки, а главное нѣсколько не сходственны съ тѣми, которыя содержатся въ *Росписи* Флорищевского сборника. Представляетъ ли послѣдняя лишь иную, быть можетъ, черновую редакцію той части *статейнаго списка* Шереметева, гдѣ перечисляются св. мощи римской церкви Всѣхъ Святыхъ, или же она есть извлеченіе изъ неизвѣстнаго доселѣ описанія путешествія въ Римъ какого-либо русскаго паломника XVII вѣка,—окончательно рѣшать не беремся. Принимая во вниманіе отличие „Росписи“ отъ *статейнаго списка* Шереметева, а также то обстоятельство, что непосредственно за нею въ сборникѣ Флорищевой пустыни слѣдуетъ незначительный, безъ конца, отрывокъ, начинающійся словами: „*Книга, въ которой повѣдаются таинства, уиинени отъ Бога и пресвятыя Богородицы*“ и повѣствующій о назаретскомъ домѣ богоотца Іоакима и Анны, въ которомъ пребывали Богоматерь со Своимъ божественнымъ Сыномъ, мы склонны предполагать въ „Росписи“ извлеченіе изъ неизвѣстнаго доселѣ памятника древно-русской паломнической литературы. Имѣя въ виду небольшой объемъ „Росписи“ и ея прямое отношеніе къ занимающему насъ вопросу, мы приводимъ ее здѣсь съ нѣкоторыми впрочемъ опущеніями по не совсѣмъ исправному списку Флорищевой пустыни. „Роспись мощемъ, которые сохраняются во градѣ Римѣ въ церкви глаголемой Святая Святыхъ. Въ поставѣ, который стоятъ предъ святымъ олтаремъ, сохраняется святой образъ Господа нашего Ісуса Христа и Избавителя рода человѣческаго; списанъ, егда еще бѣ тридцати трехъ лѣтъ, отъ святого и славнаго евангелиста Луки, по прошенію пресвятыя Богородицы и святыхъ апостолъ; по вознесеніи же Его на небеса совершился аггельскими руками; въ Римъ же принесенъ отъ Іерусалима Титомъ и Веспасіаномъ, царями римскими. Велики чудесенъ и страшенъ есть противъ демоновъ. На малыхъ двухъ окнахъ желѣзныхъ надъ олтаремъ ко образу святого Сильвестра папы много костей святыхъ младенцевъ, отъ Ирода избѣнныхъ, и великій ковчегъ съ сосудцами, полными мощей святыхъ мученикъ, яко отперетися ему не возможно. На другомъ окнѣ ко образу святого царя Константина великаго много есть мощей святыхъ мученикъ, между которыми есть едина великая глава безъ имени.... Тамъ же суть одежды святого Петра апостола и святого первомученика и архидіакона Стефана, въ которыхъ каменіемъ

вереницей съ давнихъ временъ идутъ на поклоненіе въ вѣчный городъ, какъ шли онѣ въ первые вѣка въ священныя подземелья его. Система индульгенцій, по которой отпущеніе грѣховъ давалось въ средніе вѣка каждому, предпри-

побіенъ бысть, и всѣ окровлены суть. Еще тамъ же есть одежда святаго мученика Лаврентія со многими углемъ, на нихъ же пряжеса.... Подъ образомъ Спасителевымъ есть единъ ящикъ, полонъ мощей, земли со Іерусалима, Ввелеема, вертена Господня, Фаворскія—идѣже преобразися, горы Елеонскія; горы, идѣже Христосъ расияся; мѣста, которое называется двоостротонъ, и гроба Господня, столпа, подлѣ котораго біенъ бысть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, камени, изъ немъ же съдѣ при гробѣ Господни ангелъ, горы Синайскія, мѣста, идѣже стояше крестъ Господень, гроба пресвятыя Богородицы; часть копія, которымъ прободеса ребро Спасителево.... Тутъ же суть иныя мощи святыхъ мученикъ, исповѣдникъ и дѣвственникововъ. Тутъ же есть золотый крестъ драгоценный, въ которомъ есть часть креста Господня. Тутъ же есть ящичекъ серебряной, въ немъ же сохраняется нѣкій золотый крестъ, на немъ же вырѣзаны суть семь тайвъ Господнихъ, которой въ древняя времена показывался народу въ Воздвиженьевъ день. Тутъ же есть иныя ящичекъ серебряной, въ немъ же есть иныя крестъ, въ которомъ есть древо святаго креста Господня, которой Ираклій, царь греческій, принесъ изъ Персиды, съ тѣломъ святаго мученика Анастасія, которое сохраняется въ той же церкви подъ олтаремъ... Тамъ же есть великая часть губы, которая бѣ полна оцту и желчи и принесена ко устамъ Христовымъ. Тутъ же есть часть трости, ею же біенъ бысть отъ воиновъ Господь нашъ.... Тамъ же есть единъ ящикъ съ слоновья кости, въ немъ же суть многія мощи разныхъ святыхъ, сирѣчь, святыхъ самобратныхъ мучениковъ Процесса, Мартіяна, Абдона, Севена, Фелика, Адаукта, Ириней, Аббондія, Пигіена и Сатурнина вмѣстѣ съ мощами святаго Дамаза, палы римскаго, и святаго Фелика папы съ одеждою святаго Іоанна евангелиста, рука святаго Кесаря мученика, мощи святаго Діонисія Ареопагита, святаго Севастіана мученика и святыхъ мученикъ Тибуртія, Силія, Кремація, Нерей, Ахиллея, Акима, Прискима, Марка, Маркелима, Прима, Феликіяна и Повтіяна папы и мученика и преподобнаго Іеронима исповѣдника, глава преподобныя Евпраксіи..., тамъ же глава святаго мученицы Варвары и глава святаго мученицы Евеміи, и глава же святаго мученицы Анны и часть одежды ея, мощи святаго мученицы Евлаліи и святаго мученицы Анастасіи Узорѣшительницы, мощи святыхъ мученикъ Агалія, Скенія, Ирины, Пилей и Елиза и святаго дѣвы Бригиды чудотворицы, и многія губки, которыми святая мученица Евпраксія собирала кровь святыхъ мученикъ и полагала во особливыхъ кладезехъ... Въ иномъ ковчезѣ суть мощи святаго Киріяка Отшельника и Саввы Освященнаго и часть великая Николая Мирликійскаго. Тутъ одинъ иныя ковчезъ мѣдный, полонъ мощми разныхъ святыхъ; въ иномъ ковчезѣ суть многія мощи, губки и части одеждъ, которые вѣруются быти святаго апостола Петра, святаго мученика Лаврентія

нивавшему путешествіе въ Римъ, не мало содѣйствовала возбужденію всеобщихъ симпатій къ посѣщенію его и поддерживала значеніе вѣчнаго города между западными христіанами. Учрежденіе *святыхъ годовъ*, такъ называемыхъ юбилеевъ, необходимую принадлежность которыхъ составляетъ полная индульгенція (*indulgentia plenaria*) или отпущеніе всѣхъ церковныхъ зпитимій, привлекало также *ad limina apostolorum* со всѣхъ концовъ земли великое множество народа и въ томъ числѣ многія вѣнчанныя главы. Справедливосгь впрочемъ требуетъ сказать, что сколько ни усиливались римскіе папы противопоставить вѣчный городъ Іерусалиму, какъ центръ христіанской святости, попытки ихъ не могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, и Римъ никогда не могъ восхитить религіознаго первенства у Іерусалима, на сторонѣ котораго были не безчисленное множество реликвій и пышность столицы запада, а исторически-

и святаго мученика Викентія со многими угліемъ, на которомъ и до днесь еще содержится кровь святыхъ мученикъ со многими костью. И въ скатерти бѣлой суть болѣе тысячи мощей и разныя кости святыхъ, угліе, губки, пепель... И иные суть сосуды свинцовые съ разнымъ подписаніемъ, но неясственнымъ.... Тамъ же двѣ цки, (на) которыхъ написана суть святыхъ апостолъ Петра и Павла, которые показываютъ истинный образъ ихъ. Еще многіе суть суконныя доскуты, которыми видѣлъ святой Ипполитъ мученикъ ангеловъ отирати раны святаго мученика Лаврентія, егда за Христа мучился... И въ другомъ ящикѣ древяномъ, который былъ учиненъ отъ древнихъ палъ, въ немъ же суть три агны на воску напечатаны со многими мощми. Тамъ же еще суть многія кости святыхъ, обвиты бѣлыми сукны, между которыми есть едина рука со многими костми, разныхъ святыхъ, но безъ имени. Тамъ же въ красной камкѣ есть крестъ, въ которомъ видится тѣло и кровь, печатанъ на всѣхъ четырехъ углахъ, дабы въ нихъ ни одинъ не отворился. Тамъ же еще суть многіе ящички, полны мощи съ частями одеждъ, со многими губками, пепеломъ. Въ той же церкви сохраняется цка, на которой Господь, умываючи ноги апостолъ, сѣдѣлъ, и многія иныя святая вещи въ великой у народа чести, которыя за краткосгь здѣ не описуются. Въ той же церкви сохраняется образъ пресвятыя Богородицы, на цкѣ написанъ отъ Египтянъ симъ образомъ, егда бѣжала со Превѣчнымъ Младенцомъ во Египетъ. Тамъ же опричь мощей обрѣтается образъ, на которомъ есть вырѣзанъ младенецъ, которой удою рыбу ловить". Приведенный памятникъ въ значительной мѣрѣ подтверждаетъ древнее, восходящее къ первой половинѣ IX в. преданіе Римской церкви о *тридцати-двухъ* колесницахъ, перевезшихъ нѣкогда мощи святыхъ мучениковъ, исповѣдниковъ и блаж. двѣвъ изъ катакомбъ въ Пантеонъ.

религіозныя воспоминанія, дорогія для всего безъ исключенія христіанскаго міра.

Третьимъ главнымъ мѣстомъ паломническаго движенія въ христіанскомъ мірѣ, особенно оживленнымъ и привлекательнымъ въ средніе вѣка, была Византія или Константинополь. Конечно, это былъ городъ сравнительно молодой; съ исторіей его не связано было столь важныхъ исторически-религіозныхъ воспоминаній, какими окружены были Іерусалимъ и Римъ—свидѣтели кровавыхъ событій перво-христіанской эпохи: но основатель Константинополя употребилъ всѣ усилія и средства сравнять свой царственный городъ съ древнимъ Римомъ не только въ гражданскомъ, но и церковно-религіозномъ отношеніи. Константинъ Великій хотѣлъ сдѣлать свою новую резиденцію столицею всего христіанскаго міра, желалъ поставить ее подъ покровительство святыни и окружить ореоломъ священной славы, какъ мать всѣхъ градовъ христіанскихъ. Къ достиженію этой задачи стремился какъ самъ онъ, такъ и многіе изъ преемниковъ его. Византійскіе императоры приложили не мало стараній къ тому, чтобы сосредоточить въ Византіи не только мѣстную, но и общехристіанскую святыню, предъ которою одинаково благоговѣли бы греки, римляне и всѣ остальные христіанскіе народы. Съ этою цѣлію еще равноапостольною царицею Еленою привезены были съ Востока въ Византію часть Животворящаго Креста Господня и мощи прор. Давіида. Въ царствованіе благовѣрнаго сына ея сюда же принесены были жезлъ Моисеевъ и мощи мучениковъ Мины, Емилиана, Флора и Лавра; при импер. Констанціи—мощи свв. апостоловъ Андрея, Луки и Тимофея; при Юліанѣ или Іовіанѣ—мощи великомуч. Артемія; при Θεодосіи Великомъ—глава Іоанна Предтечи и мощи мучениковъ Теренція и Африкана; при Аркадіи—мощи прор. Самуила; при Θεодосіи Младшемъ десница св. первомученика Стефана, мощи прор. Захаріи и св. архид. Лаврентія, образъ Божіей Матери, писанный св. евангелистомъ Лукою, и одна изъ веригъ св. ап. Петра; при Маркіанѣ—св. рака съ одеждами и погребальными целенами Божіей Матери и мощи прор. Исаи; при Львѣ Макелѣ—мощи св. Анастасіи; при Пра-

клиі—часть Животворящаго Креста Господня, орудія страстей Христовыхъ и мощи св. великомуч. Евѣиміи; при Юстиніанѣ II-мъ—мощи и омофоръ праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы; при Константинѣ Копронимѣ—мощи св. муч. Пелагіи; при Львѣ Мудромъ—мощи св. Маріи Магдалины и праведнаго Лазаря; при Константинѣ Порфирородномъ—Нерукотворенный Образъ Спасителя; при Исаакѣ II Ангелѣ была принесена въ Константинополь глава св. Маманта ¹⁾. Кромѣ названныхъ святыхъ въ византійскихъ церквахъ, монастыряхъ, часовняхъ и императорскихъ дворцахъ хранилось великое множество другихъ св. мощей и священныхъ предметовъ, достовѣрно неизвѣстно когда и кѣмъ принесенныхъ въ Константинополь, а также обрѣтенныхъ въ немъ самомъ. Къ числу такихъ можно отнести мощи мучениковъ: Никиты Готскаго, Маркіана и Мартирія, Симеона Богопріимца, Іакова брата Господня, прор. Захаріи, апостола Филиппа, Пантелеимона и Марина, Агаѳи, Акилины, Ии или Евдокіи, св. Евсевія епископа Самосатскаго, свв. столпниковъ Даниіла и Акакія, св. Іоанна Кущника, сорока мучениковъ, Фоки епископа Синопскаго, Климента Анкирскаго, Параскевы-Пятницы, св. дѣвы Елены, св. Аверкія, Іоанна Милостиваго, Маріи Клеоповой, св. Ирины, муч. Θεодосіи, прор. Елисея, мученика Лазаря, Спиридонія Тримифунтскаго, Григорія Богослова, великом. Агаѳоника и святыхъ младенцевъ избѣнныхъ Иродомъ; рогъ прор. Самуила, изъ котораго онъ, по преданію, помазалъ на царство Саула и Давида, сосуды алавастровые свв. женъ мѣроносицъ и многіе чудотворные *Образы* Спасителя и Богоматери ²⁾. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что Константинополь считалъ своимъ просвѣтителемъ и покровителемъ св. ап. Андрея, который по словамъ одного византійскаго сказанія, былъ въ древней Византіи и въ пред-

¹⁾ Архим. Сергій: Полн. Мѣсяц. Вост. т. II, ч. 2 стрр. 390. 209. 247—248. 375. 227. 49. 240. 128. 293. 121—122. 246. 293 и др., сл. проф. Н. П. Кондакова: Византійскія церкви и памятники Константинополя, въ Труд. VI Археолог. съѣзда, т. III стрр. 9. 12. 33. 29—30. 14—15. 42. 17. 34. 68. 51. 68. 79 и др.

²⁾ Архим. Сергій: Мѣсяц. Вост. т. II, ч. 2, стрр. 290, 45. 166—167. 233—234. 174. 301—302. 84. 337; сл. Кондакова Визант. церкви, стрр. 12. 16. 17. 33. 34. 35. 37. 38. 43. 45. 46. 58. 68. 82.

вѣстіе будущей славы ея собственными руками вырѣзалъ каменный крестъ, привлекавшій въ болѣе позднія времена благочестивое вниманіе христіанскихъ паломниковъ; а по словамъ другаго сказанія основалъ даже церковь въ Перѣ—древн. Аргирополѣ.

Изъ представленнаго голаго и, разумѣется, далеко не полнаго перечня византійскихъ святынь, не трудно усмотрѣть, что большая часть изъ нихъ была собрана сюда съ разныхъ концовъ тогдашняго христіанскаго міра: Іерусалима, Рима, Александріи, Антіохіи, Ефеса, Каппадокіи, Халкидона, Кипра, Патръ, Тарса, Медиолана, Доростолы, Сирмиума, Библоса и другихъ мало извѣстныхъ городовъ и мѣстечекъ; не трудно извлечь себѣ ясное понятіе о томъ, что новый Римъ очень рано, не позднѣе второй половины V столѣтія, приготовился къ церковно-религіозному представительству для всего христіанскаго Востока и выступилъ въ роли серьезнаго соперника съ древнимъ Римомъ. Событія послѣдующей исторіи: двойная осада и взятіе послѣдняго варварами, утрата Александріею въ царствованіе импер. Юстиніана своей гегемоніи и вообще просвѣтительнаго значенія на востокъ, упадокъ во второй половинѣ VI вѣка Сиріи, ставшей потомъ центромъ мусульманской борьбы, опустошительные набѣги на св. землю въ VII—VIII столл. Арабовъ и Персовъ, какъ нельзя больше, способствовали сосредоточенію общехристіанской святыни въ Константинополѣ, занимавшемъ къ тому же весьма выгодное географическое положеніе. Послѣ того, какъ Омаръ въ 638 году взялъ Іерусалимъ и разграбилъ базилику св. Гроба, а въ 644 году была окончательно завсеевана Александрія, христіанская святыня обильнымъ потокомъ полилась съ Востока въ столицу имперіи, и городъ Константина Великаго священными сокровищами сталъ богаче не только своей метрополіи, но и всего Востока, не исключая даже св. земли. Для характеристики съ этой послѣдней стороны Византіи, привлекавшей къ себѣ отовсюду безчисленное множество богомольцевъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ, не лишнимъ считаемъ привести отрывокъ изъ письма императ. Алексѣя Комнена къ графу Роберту Фландрскому, въ которомъ онъ, приглашая западные народы къ ополченію противъ мусульманъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ свя-

щенный инвентарь и богатства столицы восточной имперіи своего времени. „Прежде, чѣмъ Константинополь будетъ взятъ Турками и Печенѣгами, напрягите всѣ силы. Пусть лучше Константинополь достанется вамъ, чѣмъ язычникамъ. Въ немъ находятся наидрагоцѣннѣйшія святыни, нашего Господа, именно: столбъ, къ которому Онъ былъ привязанъ; бичъ, которымъ Онъ былъ бичуемъ; багряница, въ которую Онъ былъ облеченъ: терновый вѣнецъ, которымъ была увѣнчана глава Его; трость, которую Онъ держалъ въ рукахъ Своихъ вмѣсто скиптра; ризы, совлеченныя съ Него предъ распятіемъ; большая часть Животворящаго Древа, на которомъ Онъ былъ распятъ; гвозди, которыми Онъ былъ пригвожденъ, а также многочисленныя мощи святыхъ апостоловъ и мучениковъ, какъ-то: глава Іоанна Крестителя, нетлѣнное тѣло первомученика Стефана... Все это не должно доставаться во власть язычниковъ, ибо въ томъ была бы великая потеря и осужденіе для христіанъ. Если же твои воины не захотятъ сражаться ради такихъ святынь и предпочитаютъ золото, то я напоминаю о безчисленныхъ богатствахъ и драгоцѣнностяхъ, которыя накоплены въ столицѣ нашей. Сокровища церковей константинопольскихъ—въ серебрѣ, золотѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, въ шелковыхъ тканяхъ—могутъ быть достаточны для украшенія всѣхъ церковей міра. Но богатства Софійскаго храма могутъ превзойти всѣ эти сокровища вмѣстѣ взятыя и равняются только богатству храма Соломонова. Нечего говорить о неизчислимой казнѣ вельможъ и даже купцовъ и крестьянъ, а о казнѣ императорской довольно припомнить только то, что въ ней скрыты не только сокровища недавнихъ властителей константинопольскихъ, но еще древнихъ императоровъ Римскихъ. Итакъ, спѣшите со всѣмъ вашимъ народомъ, напрягите всѣ ваши силы, чтобы такія сокровища не попали въ руки Турокъ и Печенѣговъ“¹⁾.

Западные ополченцы, хорошо освѣдомленные на счетъ несмѣтныхъ богатствъ Константинополя чрезъ своихъ странниковъ, пословъ и торговыхъ людей, глубоко вняли призыву византійскаго императора. Движимые желаніемъ наживы и

¹⁾ Проф. Васильевскій: Письмо Алексія Комнина къ графу Роберту Фландрскому въ Ж. М. Н. Пр. ч. CCVII, стр. 230—231. 239.

священной добычи, вѣками накопленной въ столицѣ восточной имперіи, проникнутые вѣроисповѣдною ненавистью къ грекамъ, латиняне легко могли увлечься своимъ религіознымъ энтузіазмомъ до пренебреженія ко всему остальному: почитаніе мощей и вообще святыни нерѣдко приводило къ святотатству, особенно въ средніе вѣка. Это именно и пришлось испытать столицѣ Константина Великаго. Предавши ужасному разоренію и опустошенію послѣднюю въ апрѣлѣ 1204 года, завладѣвши ея громадными богатствами, чуждые сколько-нибудь просвѣщеннаго интереса къ памятникамъ искусства и истинно-христіанскаго религіознаго чувства, крестоносцы не пощадили художественныхъ произведеній классической и византійской древности и наложили свою святотатственную руку на царградскія святыни. Со множествомъ произведеній пластики, мозаики, иконописи, рѣзнаго дѣла и т. п. не малое число священныхъ реликвій, преимущественно св. мощей было уничтожено, расхищено и увезено на Западъ венеціанцами, французами и итальянцами. Святыни, бывшія до взятія крестоносцами Константинополя самымъ дорогимъ его достояніемъ и значившіяся въ перечнѣ византійскихъ реликвій, стали потомъ лучшимъ украшеніемъ базиликъ Рима, церкви Франціи, Венеціи и другихъ большихъ и малыхъ западно-европейскихъ городовъ. Правда, набожная рука грековъ и другихъ православныхъ народовъ всячески старалась сохранить святыню отъ уничтоженія и разграбленія во время катастрофы, постигшей Константинополь со стороны католическаго запада; но сбереженными священными сокровищами православной Византіи суждено было владѣть не долго. Бѣдственное положеніе, наступившее для грековъ съ окончательнымъ завоеваніемъ Царьграда Турками, вынудило ихъ разстаться со многимъ изъ своей святыни, отвезти множество св. мощей и другихъ священныхъ предметовъ на Русь, какъ бы въ отплату за обильную милостыню, посылавшуюся Россіей православному востоку ¹⁾.

Далеко не одинаковымъ почитаніемъ пользовались у тѣхъ

¹⁾ Подробно и обстоятельно объ этомъ у проф. Н. Θ. Каптерева: Характеръ отношеній Россіи къ прав. Востоку, стр. 60—102. М. 1885.

или другихъ народовъ отмѣченные нами главные центры паломничества въ христіанскомъ мірѣ. Такъ, на примѣръ, пути древне-русскихъ паломниковъ, слывшихъ въ старое время больше подъ именемъ *каликъ переходящихъ*, кромѣ отечественныхъ святыхъ мѣстъ, направлялись почти исключительно на Востокъ—въ Іерусалимъ и Царьградъ, рѣже въ монастыри Аѳонскіе и уже совсѣмъ рѣдко въ Римъ. Хожденія нашихъ благочестивыхъ предковъ на богомолье во святую землю и Константинополь начались весьма рано, едва ли не съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на Руси. Во второй половинѣ XII вѣка путешествовала въ Іерусалимъ извѣстная Евфросинія Полоцкая со своею сестрой и останавливалась тамъ въ русскомъ монастырѣ, а это даетъ понять, что во святой землѣ уже была въ то время русская колонія. Въ памятникахъ нашей книжной и народной литературы XII—XIII вѣковъ калики являются съ такими опредѣленными, типичными чертами, которыя сами собою говорятъ, что паломники въ то время уже были очень хорошо извѣстны русскому народу и успѣли пріобрѣсти себѣ его симпатіи. Положеніе странниковъ, если позволительно судить о немъ по былинамъ, было весьма почетное. Богатыри Владиміровы: Ілья Муромецъ, Алеша Поповичъ и Михаилъ Потокъ Ивановичъ не стыдились называться каликами; въ странническомъ костюмѣ—въ лапоткахъ, съ сумами и клюками не стѣснялись появляться они на почетные пиры Владиміра-Краснаго солнышка и были принимаемы послѣднимъ, какъ и вездѣ, куда ни заходили, съ уваженіемъ и гостепримствомъ. Калики нашихъ былинъ, народныхъ пѣсней и т. п. нисколько не напоминаютъ собою тѣхъ, кого принято называть теперь калѣками: нѣтъ, это были дородные молодцы, съ избыткомъ надѣленные удалью и физическою силой, которую тутъ же на пиру самымъ дѣломъ доказывали; а если и были стариками, то уже никакъ не возбуждали къ себѣ состраданія какими-либо тѣлесными недостатками. По самому свойству затрудненій, которыя приходилось преодолевать предприимчивымъ и отважнымъ странникамъ во время своихъ путешествій, легко понять, почему изъ числа ихъ особенно выдвигаются тѣ, чьихъ природа богато одарила здоровьемъ.

Одновременно и какъ бы рядомъ съ этимъ *эпическимъ*

типомъ древне-русскаго калики перехожаго стоитъ многочисленный, въ дѣйствительности существовавшій классъ заурядныхъ въ строгомъ смыслѣ слова паломниковъ, которые, не имѣя притязанія возводить свое путешествіе на степень громкаго подвига, предпринимали далекія странствованія по религіознымъ побужденіямъ, съ цѣлю „поклонитися святымъ мѣстамъ и цѣловати тѣлеса святыхъ“, чтобы замолить грѣхи и исполнить свой давнишній обѣтъ. Были среди этихъ простецовъ-паломниковъ и такіе, которые ходили въ Іерусалимъ, Царьградъ и вообще на востокъ просто изъ желанія постранствовать, подобно птицамъ перелетнымъ побывать въ тѣхъ заповѣдныхъ странахъ, о которыхъ ходило тогда столько одушевленныхъ и заманчивыхъ разсказовъ. Этихъ любителей путешествій къ святымъ мѣстамъ у насъ на Руси, особенно въ новгородской области, уже было такъ много, ихъ періодическія переселенія въ далекія восточныя страны были такъ невыгодны въ быту хозяйственномъ и вредны для самихъ путешественниковъ, что извѣстный Кирикъ Новгородскій обращался съ вопросомъ объ этомъ классѣ паломниковъ къ епископу Нифонту (1130—1156 гг.). Кирикъ спрашивалъ своего владыку: не грѣхъли возбранять нѣкоторымъ хожденіе въ Іерусалимъ и вообще къ святымъ мѣстамъ? Нифонтъ отвѣчалъ: не только не грѣхъ, напротивъ большое добро, если они странствуютъ для того, чтобы быть праздными и чтобы во время путешествія только ѣсть и пить. Св. Іоаннъ Новгородскій разрѣшилъ даже подвергать эпитиміи тѣхъ, которые связывали себя обѣтомъ идти въ Іерусалимъ, „ибо эти обѣты губятъ землю“. Они губили ее, потому что разстраивали хозяйство, отвлекая рабочія руки отъ труда и приучая къ бродяжничеству и бездѣлю работающую часть населенія ¹⁾).

Второй классъ древне-русскихъ паломниковъ, нѣсколько отличный отъ предшествующаго, составляютъ лица книжно-образованныя, болѣе или менѣе матеріально обеспеченныя и даже высокопоставленныя, которыя съ религіозными цѣлями странничества умѣли соединить интересы благочестивой любознательности. Ходя по святымъ мѣстамъ востока, обозрѣвая цареградскія святыни, проживая тамъ и

¹⁾ Русск. Истор. Б-ки т. VI, ст. 27. Дух. Чт. 1862. II. 248.

здѣсь по нѣскольку мѣсяцевъ и даже лѣтъ, они обращали свое вниманіе не только на то, что служило предметомъ благоговѣйнаго почитанія и всеобщаго поклоненія, но и на все то, чѣмъ затрогивается любопытство просвѣщеннаго человѣка. Останавливаясь преимущественно тамъ, гдѣ находили для себя больше интереса, эти паломники одновременно изучали какъ церкви, монастыри, святыни и вообще священные предметы, такъ и всѣ прочія достопримѣчательности, знакомились съ природою и бытомъ Палестины и Царьграда и особенно съ ихъ церковными порядками. Были и такіе паломники, которые, пріютившись въ какомъ-либо изъ греческихъ монастырей, не мало трудились надъ списываніемъ и переводомъ на родной языкъ богослужбныхъ книгъ, пересылавшихся затѣмъ на Русь и входившихъ здѣсь въ литургическую практику въ большемъ или меньшемъ числѣ экземпляровъ. Стефанъ Новгородецъ, извѣстный нашъ паломникъ XIV вѣка, рассказываетъ, что во время своего путешествія по цареградскимъ монастырямъ, онъ встрѣтился съ знакомыми ему Новгородцами, Иваномъ и Добрилою, и возрадовался зѣло, такъ-какъ не ожидалъ съ ними свидѣться, считая ихъ безъ вѣсти пропавшими. „И нынѣ, говоритъ онъ, живутъ тутъ, списаячи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ Святаго Писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію ¹⁾“. Эти послѣдніе странники, эти просвѣщенные люди и труженики земли Русской заслужили вниманіе современной науки и признательность потомковъ тѣмъ особенно, что все видѣнное и слышанное, не мудрствуя лукаво, болѣе или менѣе подробно записали въ своихъ *Хожденіяхъ* или *Паломникахъ* „на увѣденіе и на память и на молитву благовѣрнымъ человѣкомъ ²⁾“.

Записки или мемуары старинныхъ русскихъ паломниковъ составляютъ цѣлую и довольно значительную отрасль литературы, главные памятники которой въ настоящее время уже приведены въ извѣстность, изданы и научно обследованы. Во главѣ ихъ какъ по времени, такъ и по внутреннему достоин-

1) Архим. Леонидъ: Обзорѣн. цареградск. памятн. и святынь, стр. 33. М. 1870.

2) П. Савваитовъ: Путеш. Новгород. архіеп. Антонія въ Царьградѣ. стр. 53. 172.

ству, стоитъ „*Хожденіе Даниила, Русскія земли игумена*“, перваго изъ нашихъ паломниковъ—писателей, путешествовавшаго во святую землю въ самомъ началѣ XII-го столѣтія. Онъ провелъ въ Палестинѣ болѣе двухъ лѣтъ (1106 -- 1107 гг.), исходивъ ее изъ конца въ конецъ и описавъ всю святую землю, начиная ея святынями и кончая топографіей. По слѣдамъ игум. Даниила шли въ Іерусалимъ или Царьградъ наши позднѣйшіе паломники-писатели, обозрѣвали святыни и памятники земли греческой, рассказывали въ своихъ путевыхъ запискахъ нерѣдко объ однихъ и тѣхъ же достопримѣчательностяхъ и до нѣкоторой степени повторяли другъ-друга ¹⁾. При всемъ томъ содержаніе ихъ мемуаровъ настолько разнообразно и богато, что мы не видимъ возможности и, пожалуй, надобности передавать его здѣсь въ сколько-нибудь цѣльномъ очеркѣ, но считаемъ не лишнимъ сказать въ заключеніе нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ нашихъ паломниковъ-писателей.

Не слѣдуетъ забывать, что древне-русскіе паломники-писатели были прежде всего благочестивые люди, набожные поклонники, желавшіе видѣть, „грѣшныма очима своима всю ту землю, удуже Христось Богъ нашъ походи Своима ногама и много чудесь показа преславно святымъ Своимъ апостоломъ и ученикомъ“ ²⁾; сгравшіе нетерпѣніемъ самолично обозрѣть царьградскія святыни и церкви и приложиться къ мощамъ святыхъ, въ нихъ почивающихъ. Не научные, но исключительно религіозные интересы влекли ихъ первоначально на востокъ; не историко-археологическія, топографическія, этнографическія и тому подобныя изысканія заставляли ихъ пускаться въ этотъ далекій и невѣдомый путь, нерѣдко соединенный съ большими лишеніями и даже опасностію жизни, но главнымъ образомъ сила ихъ

¹⁾ Извѣстнѣйшіе изъ древне-русскихъ паломниковъ-литераторовъ суть слѣдующіе: Новгородскій архіепископъ Антоній (около 1200 г.), Стефанъ-Новгородецъ (1350), діаконъ Игнатій (1389), Игнатій—Смольнянинъ (1389 - 1405), дьякъ Александръ (1391—1395), мнихъ—Епифаній (1415 - 1417), іеродіаконъ Зосима (1419 - 1422), гость Василій (1465 - 1466), купецъ Василій Позняковъ (1558—1561), Трифонъ Коробейниковъ (1593—1596), Казанецъ Василій Яковлевичъ Гагара (1634—1637), Арсеній Сухановъ (1649—1653), Василій Григоровичъ—Барскій (1724 - 1747) и отецъ Игнатій (1766—1776).

²⁾ А. С. Норовъ: Путешествіе игум. Даниила, стр. 1.

религіознаго одушевленія. Чтобы понять мотивы путешествій этихъ почтенныхъ странниковъ и хотя отчасти стать на точку зрѣнія ихъ, нужно читать и изучать ихъ записки, въ большей или меньшей степени запечатлѣвшія въ себѣ ихъ думы, чувства и самыя дѣянія. „....Но, братіе и отцы, господіе мои“, писалъ игуменъ Даніиль въ предисловіи къ своему *хожденію*, „простите мя, и не зазрите моему худоумію и грубости моей, еже списахъ о Іерусалимѣ, и о землѣ блазѣ, и о пути семъ святѣмъ: иже бо кто путемъ симъ ходитъ съ страхомъ и съ смиреніемъ, то не погрѣшитъ милости Божія николиже. Азъ же не подобно ходихъ путемъ симъ святымъ, въ всякой слабости и лѣности. пья и ядя и вся неподобная творяхъ, но обаче надѣюся на милость Божию и на вашу молитву, негли Христосъ Богъ проститъ мя грѣховъ моихъ бесчисленныхъ, да се и списахъ путь сей и мѣста си святая, не възношаяся, не величаяся путемъ симъ: не буди то, ничтоже бо не сътворихъ добра на пути семъ, но любви ради святыхъ мѣстъ написахъ все, еже видѣхъ очима своима грѣшныма, дабы не въ забытіи то было, сже ми показа Богъ недостойному, и убояхся осуженія одного раба лѣниваго, скрывшаго талантъ господина своего и прикупа не сътвори имъ; да и се написахъ вѣрныхъ ради чловѣкъ, дабы кто слышавъ о мѣstechъ святыхъ и потщался и душею и мыслию къ святымъ симъ мѣстомъ и равну мѣзду пріимуть съ ходившими до святыхъ сихъ мѣсть. Мнози же дома сущи въ своихъ мѣstechъ добріи чловѣци милостынями къ убогимъ и добрыми дѣлы своими достизаютъ сихъ мѣсть святыхъ, иже болшую мѣзду пріимуть отъ Бога; мнози же и ходивше святыхъ сихъ мѣсть и видѣвше святой градъ Іерусалимъ, и възнесшися умомъ, яко нѣчто добро сътворше, и пакы погубляютъ мѣзду труда своего, отъ нихъ же первый есмь азъ“ ¹⁾. Не будучи ни археологами, ни этнографами, ни художниками въ смыслѣ теперешнихъ учёныхъ и туристовъ, путешествующихъ на востокъ съ подобными научными цѣлями, подчиняя свое странничество интересамъ набожности, наши паломники-писатели занесли въ свои мемуары и многое такое, что знакомило ихъ современни-

¹⁾ Ibidem стр. 2—3.

ковъ съ достопримѣчательностями Палестины и Царьграда и что продолжаетъ до сихъ поръ въ качествѣ любопытнаго историко-археологическаго матеріала знакомить насъ съ топографіей, природой и бытомъ этихъ странъ. Исключительно религіозный интересъ не отвлекъ ихъ совершенно отъ наблюденія явленій природы, не помѣшалъ имъ заняться описаніемъ гражданскихъ памятниковъ и разныхъ рѣдкостей этихъ благодатныхъ странъ. Такъ, на примѣръ, игуменъ Данииль пишетъ о темьянѣ-гонфитѣ (ладанѣ), который рождается въ Палестинѣ, о столпѣ Давидовомъ, дубѣ Мамврійскомъ; даетъ описаніе Мертваго моря, Іордана и его окрестностей, сообщаетъ измѣренія разстояній между главными станціями своего пути ¹⁾. Іеродиаконъ Зосима, бывшій въ Константинополѣ въ началѣ XV в., довольно подробно описываетъ расположеніе города и его монументы, рассказываетъ о своемъ путешествіи по морю, о своихъ встрѣчахъ и приключеніяхъ на пути. И надо удивляться той массѣ разнородныхъ свѣдѣній, которую сохранили въ своихъ мемуарахъ эти любознательные паломники. Очувтившись въ странѣ желанной для нихъ святыни, окруженные многочисленными и разнообразными памятниками и рѣдкостями, они, какъ бы изъ опасенія потеряться въ виду этого новаго и поразительнаго зрѣлища, спѣшили занести часто безъ опредѣленной системы въ путевыя записки свои наблюденія, чтобы потомъ, по возвращеніи на родину, подѣлиться ими съ своими соотечественниками. Можно пожалѣть, пожалуй, о томъ, что описанія тѣхъ или другихъ достопримѣчательностей святой земли и Царьграда были составляемы этими тружениками религіознаго усердія часто подъ вліяніемъ живыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній и не были достаточно провѣряемы путемъ трезвой критики. Движимые набожностію, не тронутою никакимъ сомнѣніемъ, они смотрѣли на памятники и святыни пресловутой земли греческой глазами восторженнаго, но односторонняго религіознаго чувства, а потому въ ихъ замѣткахъ нерѣдко легендарное беретъ верхъ надъ историческимъ, воображаемое надъ дѣйствительнымъ, наивность и легковѣріе надъ основательнымъ и критическимъ. Даже и при желаніи имѣть

¹⁾ А. С. Норовъ: Пут. игум. Дан. стр 10. 33—35. 53—57. 87—88. 113 и др.

вѣрныя свѣдѣнія наши паломники-писатели бывали по временамъ жертвами обмана со стороны своихъ недобросовѣстныхъ и невѣжественныхъ путеводителей. По необходимости вполнѣ довѣряясь указаніямъ и руководству послѣднихъ, они принимали на вѣру и передавали въ своихъ „Хожденіяхъ“ какъ положительный фактъ все, что тѣ имъ ни сообщали. „Не возможно бо безъ вожа ходити и безъ языка добрѣ испытати и видѣти всѣхъ тѣхъ святыхъ мѣстъ“, замѣчаетъ игуменъ Даніиль. Понимая, какъ важно имѣть хорошихъ проводниковъ, послѣдній ничего не жалѣлъ, чтобы добыть свѣдущихъ лицъ. „И что у себе имѣя въ руку моею худого моего добытка, и отъ того всѣмъ подавахъ, вѣдушимъ добрѣ вся святая мѣста въ гради и внѣ града (Іерусалима), да быша мнѣ указали все добрѣ, якоже и бысть. И пригоди ми Богъ налѣсти въ лаврѣ святаго Савы ту мужа свята и стара деньми и книжна велми, и тому святому мужу вложи въ сердце Богъ любити мя велми худаго, и той ми указа добрѣ вся мѣста святая, иже суть въ Іерусалимѣ, и по всей земли той поводи мя добрѣ... И трудися со мною любве ради“¹⁾. Видно, что святыни и вообще достопримѣчательности Іерусалима и Царьграда были открыты и доступны далеко не всѣмъ: удовольствіе вездѣ быть и все видѣть покупалось не дешевою цѣною. „Скупой и убогій, по словамъ Стефана Новгородца, „не могли ни видѣть, ни цѣловать ни единого святаго, развѣ на праздникъ котораго святаго будетъ“. Но зато тѣ изъ нашихъ паломниковъ, которые, подобно игум. Даніилу, обладали матеріальнымъ достаткомъ, были болѣе образованы и опыты въ дѣлѣ путешествій, не только сами видѣли святыни и памятники православнаго востока, но и сумѣли описать ихъ *на увѣдѣніе* своихъ современниковъ и *на память* отдаленнымъ потомкамъ. Ихъ „хожденія или путешествія“, не смотря на неизбѣжныя въ трудахъ подобнаго рода неточности и явныя погрѣшности, сослужили великую службу русскимъ людямъ и наукѣ, достойнымъ образомъ въ настоящее время оцѣнившей ихъ. Въ западной литературѣ не разъ высказывалась мысль, что средневѣковые пилигримы, спускавшіеся въ римскія катакомбы, дол-

¹⁾ Ibidem стр. 3.

гое время служили единственными указателями пути въ эти священные подземелья и были первыми дѣятелями на поприщѣ изученія памятниковъ древне-христіанскаго искусства въ мѣстахъ ихъ первоначальнаго находенія. Точно такое же мѣсто занимаютъ смиренныя и набожныя древнерусскіе паломники-писатели въ отношеніи къ достопамяностямъ Цареграда и св. земли. Не задаваясь научными цѣлями, чуждые антикварныхъ интересовъ, они, сами того не подозрѣвая, проложили путь послѣдующимъ ученымъ исследователямъ въ области Византологіи и Палестиновѣдѣнія.

Александръ Голубцовъ.
